

Андрей Кондратьев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МЕТАФИЗИКА НИЧТО В ДВИЖЕНИИ ФЁЛЬКИШ

В сокращённом виде настоящая работа выходила в «Независимой газете»
Ex libris. 19 февраля 2008.

Германия 1920-х и её философия, овеянная предвкушением надвигающейся катастрофы, трагичная и исполненная ужасающих откровений, экспрессии и пророчества, безудержного восторга и ужасающего подозрения – всё это в совокупности называется «фёлькиш». Это не школа и не система, скорее – особая философская интонация, легко различимая в шелестящих журналах, трактатах по богословию и исследованиях мифологии. Типично немецкая метафизика. Взгляд, обращённый вглубь.

Одной из целей авторов Фёлькиш было обретение тотального Мироззрения (Weltanschauung) – такого Мироззрения, которое бы отвечало на все потребности жизни, объясняло любую реальность в полновесном объёме праисторических ассоциаций и мифологических аллюзий. Ради этой цели многие обращались к сказкам – в книге Иоахима Курда Нидлиха «Мир германских мифов и сказок как источник немецкого Мироззрения» давалась решительная дескрипция «образа мира» – вечно актуальной системы веры, приходящей из эпохи седой древности в форме искусства иносказаний. «Этого я и хочу, – чистосердечно признавался Нидлих, – выискать на руинах германских мифов такие камни, которые, если очистить их и заново обтесать, легли бы в основу нового немецкого святилища. Из остатков разрушенных стен я хочу выстроить новое немецкое Мироззрение» (Niedlich, 1921. S. 4).

Камни – вполне подходящая метафора. Они лежат наслоениями, и над верой периода мегалитов, громоздятся слои Саги-Эдды, германского фольклора и постфольклора. Мир проявленный и мир тонкий оцениваются по-разному, мифы выстраиваются на границе между тем и этим, как попытка зафиксировать летучее и сублимировать грубое. «В том, что касается мира проявленного германец – конечно же, дуалист, подобно всем прочим арийцам и Иисусу. И лишь идея, лишённая всякого проявления, – лишь она может быть по-настоящему совершенной (идеализм)» (Niedlich, 1921. S. 15).

Откуда такое заключение? С одной стороны – из древнейшего мифа об Имире, бесформенно-первозданном гиганте, бывшего истоком хаотической космогонии и рождённого от соития Искры Муспелльхайма и Льда Нифльхайма. Это – исток двоения, расщепления всей Психеи, порождение мыслей Фауста задолго

до него самого (*Zwei Seelen leben, ach, in meiner Brust ...*). Но, кроме того, источник того заключения – внимательное сравнение двух состояний души – индийского («когда дух при рождении входит в тело, он проникается Злом») и собственно-христианского («рождённое от плоти есть плоть») (*Niedlich, 1921. S. 15*).

Рождённое от плоти Имира и в самом деле есть плоть – это Земля, как рождённое от его крови – вода, от костей – горы и т.д. Сложнее обстоит с тем, что рождалось от Духа. Если оно и есть Дух, то утрачивается всякий смысл космогонии – плацента не перерезана, сущность едина со своим истоком и продолжает из него истекать. В этом – предел дуализма, бывшего важным, но далеко не последним оплотом германства.

Медитация над мифом приводит к сути. «Вотан. Верховное, или, лучше сказать, все-единое (*all-eine*) Божество германцев. Изображается в противоречивых чертах, но, тем не менее, едино. Оно есть Идея, Идеал германства. <...>. Ставшая образом Идея германства». В чём же она – идея? Прежде всего – в самом слове. Слово ведёт нас к сути. *Wot* – это *waten*, изначально – вода, водный Бог, Водяной – это об Одине сказано будет верно, хотя... И тут И.-К. Нидлих делает уточнение, размыкающее образ Одина до значения всеединства и вносящее в «догмат арийского дуализма» сущностную поправку.

Вот в чём оно – уточнение. Дело в том, что *waten* – это ещё и *durchwaten*, то есть, *durchdringen* – проникать, пронизывать и сочиться. В этом сокрыта мысль, что Вселенная – вовсе не механизм, но единое, все-единое, вотанически-органичное целое, панорама неровных явлений, в сущности своей братских по духу и внутренней идее. Она через них как бы просачивается, *durchwated*, и потому Вотан есть всеобщий закон всего, Он есть «Мыслитель» – говорит Нидлих, Он же есть «Отец Войска», Он же – «Творец», но такой Творец, который как бы дремлет в Своём творении, проникая сквозь поры его, как медовый напиток поэзии или духовный Од (*Niedlich, 1921. S. 37, 42*).

Схема Нидлиха довольно проста: изначальная вера есть проникнутость духом природы, проникнутость природы Духом, иначе – германский пантеизм. На своей проекции в миф он рождает «природные мифы» – творческое обаяние предвечных образов видится в формах, формы множатся, и ... обаяние пропадает. Все-единая Натура, бывшая Матерью, Корнем германцев, превращается в мир матерей, сказаний о превращениях, а затем – о борьбе разных сущностей, о войне... Так начинается следующий этап – *Naturmythe* уступают дорогу «мифам трагическим», а расколота гармония – Нифль-Муспелль, Аудумла и Бури – обростаёт оттенками дуализма. Даже Один, бывший общей Основой и Одом всего живого, стал воинственно-грозным повелителем войн, он пропал как *durchwaten* и родился как *Wut* – это ярость борьбы, опьянённость победой, экстаз.

Дуализм есть трагизм, и германскую душу, познававшую мир как единство начинает смущать сам вопрос интроспекции. Так душа раскололась, став «бесвольным мячом для игры вечных сил» (*Niedlich*, 1921. S. 12), став заложницей аналитики, разложившись на много миров. Многобожие греков, германцев, индийцев, даже сама философия Канта – всё это отголосок того трагизма, который зародился при отходе от *Naturmythe*, зародился на новом периоде осмысления себя и всего мирового процесса.

Великий Пан должен был умереть, ветка омелы – впиться в тело прекрасного Бальдра, а «борьба в вот-бытии (*Dasein!*)» превратиться в тотальный закон мироздания.

«Четыре возможности Пана»

Но перед наступлением «смерти Пана», обнажившей отмеченную Хайдеггером «нетость Бога» – существовали «четыре возможности Пана», выведенные в «Незаданном» (или «Неопределённом») Германа Шварца (1864-1938) в качестве своего рода четырёх столпов всего метафизического собора.

Герман Шварц

Наличие четырёх возможностей проистекает из того, что Пан (главная фигура метафизики Шварца, неопределимый Абсолют, не тождественный Богу, но акосмичный и задающий систему сверхличных аксиологических оценок) вытесняется личностью Теоса, то есть, личностью Бога «онтологического тезиса». Изначально существовавшее учение о Всеединстве контаминирует в

этом процессе наступающий образ «Грядущего Теоса», вчитывая в него узнаваемые черты *Seinstiefe* («Глубины Бытия»), то есть, черты Пана. В то же время, наступающая эпоха онтологического теизма переделывает Пана в *Seinsmaximim*, уподобляя его Теосу – то есть, вечному Врагу и последнему антиподу Неопределимого.

Само Неопределимое – это не Бог (*Gott*, во всей красоте наибольшего по бытию), не Божественность (*Göttlichkeit*, с величием блаженства и этико-эстетико-логических переживаний), но Оно – как бы разрыв, ничто из сущего, ничто из логического, но лишь «тёмная, собою самой непознанная Загадка». (*Schwarz*, 1921, S. 10. См. также: *Schwarz*, 1928, *Schwarz*, 1935, *Schwarz*, 1937, *Schwarz*, 1941, *Schwarz*, 1936, *Schwarz*, 1938, *Schwarz*, 1937, *Schwarz*, 1933. *Schwarz*, 1940). Это и есть Божество, Экхартовская *Gottheit*, Неопределимое или Пан как основа любой пантеистической метафизики.

За пантеизм ведётся борьба. В этой борьбе выкристаллизовываются четыре метафизических лагеря, получивших у Шварца название «четырёх возможностей Пана», в силу того, что у каждой из групп метафизиков есть в отношении Пана свой особый, легко узнаваемый взгляд.

Лагерь первый – это те, кто в духе «обыкновенного теизма» (*landläufiger Theismus*) видят Пана как древнего Теоса, не забывая при этом и в Теосе осознать такого же «Нового Пана», Пана умершего и воскресшего.

Для вторых Пан – это Высшее Бытие, но ещё и верховная щедрость, ибо частью себя оно сделало высшие души и даже тела. Это – позиция большинства «необразованных теистов» – в отличие от теистов из первого лагеря.

Обе позиции результируются тем, что Пан – это «максимум Бытия», а потому Пан и Теос смешиваются так, что, в конечном счёте, оказывается, кроме Теоса ничего более не существует...

Две другие, напротив, «склоняются к Пану», разделяя «Единое» и «Высшее Бытие» вплоть до полного их противопоставления. Это – сторонники автономии Пана, почитатели *Seinstiefe* («Глубины Бытия»), противники онтологического теизма во всех его формах и проявлениях. Для них Пан – это не максимум бытия и, тем более, не максимум сущего – всё это лишь уловки, позволяющие различным «онтологам теологии» уворачиваться от реальности Пана, подменяя её реальностью Теоса или идущих от Теоса высших душ.

Именно в высших душах видят сторонники третьего подхода тот самый «максимум бытия», приписать который Пану стремились «теологи онтологии». Сам уникальный Пан высвобождается, таким образом, от онтологического помрачения, но при этом весь мир неминуемо превращается в облик Пана, присутствующего везде, но при этом не данного нигде конкретно. Часто сторонников такого подхода именуют пантеистами, забывая при этом, что основа любого

пантеизма – далеко не наличие «всего в Теосе», но раскрытие «Теоса в Пана». Лингвистика тут подводит. Более правильное название этой позиции – теистический пантеизм, радикально отличный от четвертой возможности Пана – «пантеизма атеистического».

Этот атеистический пантеизм есть результат всё того же «максимума бытия», существующего по ту сторону «гипотезы Бога» столь же логически беспроблемно, как и при ней. Разница заключается в том лишь, что у пантеистов атеистического склада хватает мужества договаривать всё до конца, не пытаясь скрывать нигилистических потенций пантеистической метафизики. Однако отличие найденного здесь «пантеистического» Ничто от «Ничто» обыкновенного теизма – это отличие фундаментально. Оно состоит в том, что «Древнейшая Протобездна», «Предвечный Хаос» и другие формы пантеистического «Ничто» способны порождать из себя всех Богов и даже единого Теоса, тогда как Ничто в мире этого Теоса (в «умной» или «вульгарной» версиях теизма) возникает лишь после Его смерти, являясь своего рода «послебожием», Небытием как полным отрицанием Бытия в любых его проявлениях. «Все вещи имеют своё Ничто, и именно это Ничто в каждой вещи есть заключённое в ней божественное стремление Божества (Göttlichkeitsstreben der Gottheit)» (Schwarz, 1921, S. 36.) – заявляет свою позицию Герман Шварц, и одной этой фразой проговаривается о самом важном...

Горизонты Ничто

Это – самое существенное в доктрине Шварца, и необходимо очень сосредоточиться. Речь идёт о том, что в основе своей каждая вещь пуста, но именно в силу этой своей (полностью не достигнутой – не важно, зато фундаментальной и сущностной) пустоты каждая вещь начинена Божеством. Это Божество заключено в потенциальности, а потенциальность опирается на Ничто. Божество каждой вещи как бы вырастает из этого Ничто, а Ничто как бы уходит в процессе мира (мирового «обожения», переводя на язык Православия), ибо основа вещей – это само Божество, данное в состоянии потенциальном и нереализованном. Это как с китайским чаем, скрученным в гранулированный шарик – вы заливаете его кипятком, шарик раскрывается и показывается сам чайный лист, которого до этого как бы и не было... Поэтому Шварц называет Божественное «Неданным», а Ничто – присутствующим. Мы убираем Ничто – вещь пропадает, мы концентрируемся на Ничто каждой вещи – и из вещи, как из волшебной шкатулки, выныривают те дары, которых мы там и не подозревали, всё то, что сам Шварц называл «Неданное», «Das Ungegebene».

Тут ещё важно, что это «Неданное» – совсем не тождественно личному Богу «логического теизма»: это не «Бог» иудаизма, христианства или ислама, так как тот Бог (как Христос, Аллах или Яхве) – это лишь Боги данные, в то время как Ungegebene Германа Шварца – это Абсолют бесконечно потенциальный,

никак не реализованный в мире религий. Даже в истории метафизики про «Неданного» Бога отваживались говорить немногие: из четырёх обозначенных Шварцем направлений (пантеизм теистический и атеистический, теизм низовой и «обыкновенный») – даже и там, среди духовных братьев, Герман Шварц затрудняется указать абсолютных единомышленников, за исключением разве что Майстера Экхарта и Йохана Фихте. Абсолютно одинокий Бог вещал через одиноких пророков.

Богостремление каждой вещи, внутренне заминированной полуреальным Божеством и детонирующей от магических колебаний «имманентного Ничто» – это религия как минимум беспокойная. Мир в ней – процесс, каждая вещь – заброшенность, Бог – нереальность, а Божество – повсеместная данность духовного становления, внутренние горизонты которого очерчены лишь короткой упрямого непонимания. Если думать лишь о Ничто – эти горизонты будут съедены сами собой, растворены и разорваны внутренним противоборством, ибо в действительности их нет, а есть лишь тотальная жизнь Духа, запакованного в эфемерную оболочку и готового просиять сквозь неё, устраняя преграды и взрывая всё «Данное».

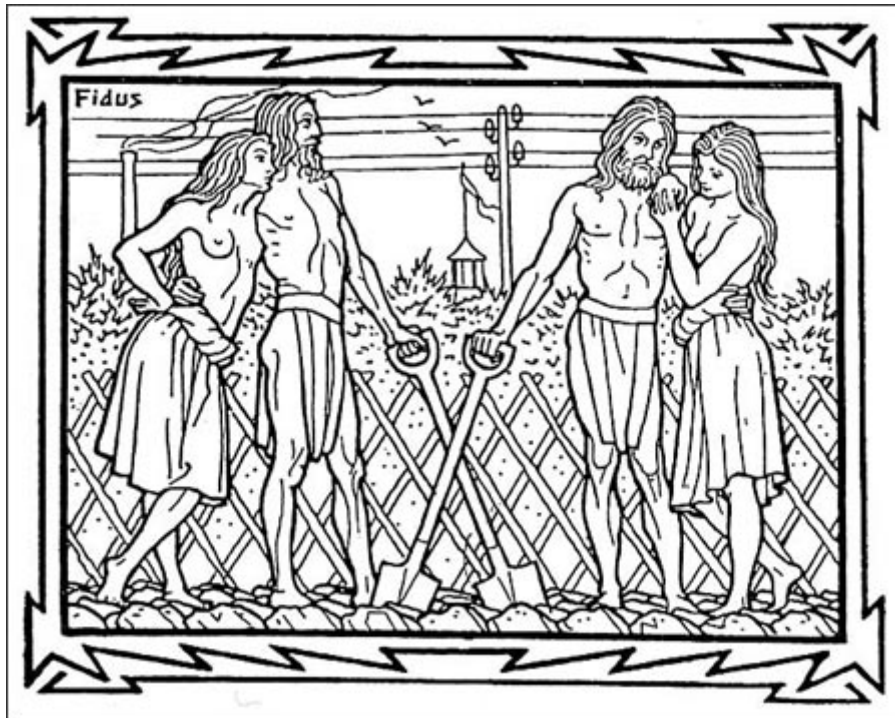
В мае 1921 г. Иоахим Нидлих и пастор Эрнст Бублиц основали «Союз за Германскую Церковь». Союз пропагандировал нордический образ Христа. Фото: Выборы в церковный совет при поддержке штурмовиков. 23 июля 1933. Перед входом в церковь св. Марии в Берлине

То «Божество», о котором говорит Герман Шварц – это ни в коем случае не Теос, но «душевная самоотдача творящей Духовности, т.е. не особое Я для себя, а скорее отдающее Я любого человека, который в любви возвышается

над собой, Я, расточающее себя в дарении и творчестве. Точнее: только при духовном присутствии Другого внутри Я и сам Бог становится настоящим и самовыражается как жизненное целое, которое выше Другого и Я, когда воля, возвышаясь над собой выражается в действии через его Другое. Если бы Бог не был жизненным целым выше Другого и Я, а только Я, он был бы эгоистом, повелителем, не терпящем своеволия своих творений, и, вечно одерживая победы над нашим бессилием, вечно превозносил бы самого себя. Таков Бог Ветхого Завета. Новый Завет вводит в лице Христа ожившее внутри Яхве Другое, символ всего Другого, что может ожить в человеке. Только Божественное Я Яхве жертвует не собой, а приносит себе в жертву Другое. Потому с метафизической точки зрения только в Святом Духе, исходящем от Отца и от Сына, достигается истинная Божественность. Он священный союз между Ты и Я, Третий, который творчески возвышается из них и над ними и в своей безличной духовности перерастает одиночество обоих. Это виноградная лоза, на которой Отец и Сын – гроздь, отблеск вечного, невоплощенного христианства, тогда как воплощенное застыло в догматических учениях об Отце и Сыне». Эта Третья Ипостась, лишённая всякого «эгоизма», а также и «Эго» в привычном нам понимании – она пронизывает весь мир, но для вещей она есть Ничто, а для людей – их последняя надежда приблизиться к Божеству, пережив Его в сфере «Неданного».

Ничто ничтожит

Для одних христианство открывается через Бога-Отца: Отец не был бы Отцом, если бы не было Сына. Для других, как для апостола Павла – с явления Бога-Сына, страдавшего и воскресшего. Но для таких типично германских философов, как Фихте, Экхарт и Герман Шварц – для них христианство есть религия Духа, а сама реальность мира материи есть ничтожная рухлядь, судорожно цепляться за которую могут одни лишь безумцы. Весь этот мир есть обитель для Духа – но для того, чтобы этим проникнуться, нужно скинуть с себя иллюзию, будто мир как-то важен, будто материя стабильна и на неё можно положиться. Нет, настойчиво повторяет Шварц, этот мир есть ловушка, «мир как данность — это только первый этап воплощенного Божества, общая изначальная потенция, которая из небытия стремится к высшему Бытию, Бытию в качестве высшей Ценности».

Фидус «Коммуна» (1912)

На пути к этой Ценности нам должна повстречаться идея «личного Бога, как Верховного Эгоиста и надменного повелителя», и если мы действительно решили добраться до цели – то от этой идеи нам следует отказаться, и поможет нам в этом только Ничто, отрицание Космоса и предвечная Глубина. Это Ничто не нужно путать с тем «Ничто», у которого есть второе имя: «Полная Пустота». Нет, это Ничто – вовсе не отрицание Бытия, но напротив, оно – его внутренняя опора и спасение. Здесь у Шварца есть серьезная переключка с греками, для которых Ничто существовало также в двух видах – в виде под названием «меон» и в виде «уко́н». Этот *уко́н* был действительно полным небытием, полый бочкой без дна и даже без эха. Из *уко́на* ничто не могло возникнуть – всякое бытие было с *уко́ном* несовместимо.

Напротив, Ничто как *меон* было исполнено внутренней жизни, эта жизнь была бытием, но бытием как бы потенциальным, чреватый возможностью Бытия. Именно про такое Ничто и говорит Шварц, именно это и есть то Ничто, которое трагический нигилист германства Макс Штирнер (1806-1856) советовал «положить в основу всего» и которое считалось основой физического мира всеми тевтонскими мистиками. Оно же есть «Спящий Король» алхимиков, Творец-Вотан, дремлющий внутри своего творения – в оригинальной теории Иоахима Курда Нидлиха. Если Он безымянен, то он – это Одем, магическая, «несуществующая» субстанция, нечто «Неданное», чтоб познакомиться с которым, нужен отказ от всего «данного». Тогда мы имеем «Глубину Бытия», предвечные Воды *меона*, над которыми возникает фигура Духа. Пока Дух не витает, это

трагический пантеизм, пантеизм без Бога. Эпоха пантеизма есть эпоха познания «Глубины Бытия» – чёрной Ночи, лишённой именных, временных и пространственных очертаний. По мнению Генриха Гейне, пантеизм всегда был, есть и будет «тайной религии Германии» (Гейне, 1994, с. 103, 172, 195-198) – не оттого, что другой пока нет, но оттого, что на этом уровне находятся корни, из которых растёт как германская религия, так и немецкая метафизика.

Но потом этот «неведомый Бог» появляется, и весь мир обретает персональные смыслы: теперь уже есть, на кого негодовать и есть, к кому обращаться. Эпоха господства Пана сменяется эпохой Теоса, личного Бога и Демиурга. И тут тоже реальность двоится. Для одних этот Теос оказывается «скрытым Паном»: это – пример «вотанизма», не оторванного от «Ода» или романтика Новалиса, возносившего «гимны к Ночи», но притом бывшего протестантом. Для других, и таких, видимо, большинство, Теос – это тот Дух, частью которого можно считать всякое индивидуальное сознание, всякую «искру» (Funke) индивидуальной души, затерявшейся в этом мире. Отсюда же, видимо, происходит и теория К.Г. Юнга о единстве «индивидуального» и «коллективного бессознательного» – из теории «ты еси то», из единства Атмана-Одема и Божественного Начала.

Но и само это Божественное Начало может отождествляться с Ничто – этот момент из тевтонских метафизиков особенно ясно проговаривают Якоб Бёме и особенно поздний Шеллинг.

Бог – Вечное Ничто, Нигде и Никогда:

Явиться не успел – уж сгинул без следа. – Формулирует эту возможность Ангелус Силезиус в сборнике «Херувимский странник» (I: 25). (*Ангелус Силезиус*, 1999, с. 60).

Но подход Шварца принципиально иной. Теос – это не Пан, Бог существует в Небытии, а бытие – в Ничто, между Ничто и Богом – такая же разница, как между Богом и миром, так как в конечном счёте, всё, что нас окружает – это Ничто, предваряющее в нашем опыте осознание Бога. Прежде, чем будет Бог – будет Ночь, будет Мрак и Ничто. И лишь потом, после того, как развеются последние иллюзии материалистов, зародится божественная Жизнь, и откроется высшая Ценность, запредельная этому миру. Будет лишь Бытие, а Небытия, пространства и времени не будет. Неданное, *das Ungegebene*, станет последней данностью.

Литература:

Ангелус Силезиус. Херувимский странник (Остроумные речения и вирши). – СПб.: Наука, 1999.

Гейне, Генрих. К истории религии и философии в Германии. – М.: Прогресс, 1994.

Niedlich, Joachim Kurd. Die germanische Mythen- und Märchenwelt als Quelle deutscher Weltanschauung. Leipzig, Dürr, 1921.

Schwarz, Hermann. Das Ungegebene. Eine Religions- und Werthphilosophie. Tübingen, Mohr-Siebeck Verlag, 1921.

Schwarz, Hermann. Gott, Jenseits von Theismus und Pantheismus. 1928, 212 S.

Schwarz, Hermann. Ekkehard der Deutsche. Völkische Religion im Aufgang. Berlin: Junker u. Dunnhaupt, 1935, 128 S.

Schwarz, Hermann. Die Irminsul als Sinnbild deutschvölkischen Gottesglaubens. Junker u. Dunnhaupt, 1937.

Schwarz, Hermann. Ewigkeit. Ein deutsches Bekenntnis. Berlin, Junker u. Dunnhaupt, 1941, 127 S.

Schwarz, Hermann: Deutscher Glaube am Scheidewege. – Berlin: Junker u. Dunnhaupt 1936.

Schwarz, Hermann: Deutsche Gotteserkenntnis einst und jetzt. – Stuttgart: Durchbruch-Verl. 1938.

Schwarz, Hermann: Grundzüge einer Geschichte der artdeutschen Philosophie. – Berlin: Junker u. Dunnhaupt 1937.

Schwarz, Hermann: Nationalsozialistische Weltanschauung. Freie Beiträge zur Philosophie d. Nationalsozialismus aus d. Jahren 1919-1933. – Berlin: Junker u. Dunnhaupt 1933.

Schwarz, Hermann: Gesammelte Werke. – Berlin: Junker u. Dunnhaupt 1940.

**Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»**

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).